

КРУГОВЕРТЬ

I

Вас искушает страх смерти?
Вы ему, гаду, не верьте.
Вы его в шею гоните –
тянутся длинные нити
между истоком и стоком
в синем просторе жестоком...

А навестили Вас черти
в этой смешной круговерти?
С ними, пожалуй, дружите –
в курсе событий держите,
и не тужите о тризне...
Вам не мешает страх жизни?

II

Я отшагал по этому канату
три четверти пути, как было пето,
и стал похож на неизвестного солдата.
Солдатик шёл себе и шёл – туда куда-то,
ел-пил, а что притырит – про запас,
пока не рассосался в этом “где-то”
и в одночасье не пропал из глаз –

за горизонт... Всё ж “век” не мера – век есть веха.
И тем, кто в толще самой, легче им задача.
Иное дело – выбираться вон из века
и падать в новый, где не то что человека –
ни фонаря тебе, ни бочки, ни собак
(там в этом “новом” даже речь звучит иначе).
А что незыблемо стоит – один кабак.

Один кабак, другой кабак...
ха-арроший ресторан,
туды заходят чуваки
из разных, понял, стран –
один чувак, другой чувак,
сплошные дохтора...
заходят выпить, потрындеть,
а больше ни хера,

pardon... *И что за диво – издалёка*
их принесло (и нас) вращением планеты
(непоэтичная такая подоплёка,
в ней докомпьютерных времён машинный клёкот)
на взблеск неонов, град ударных, грех витрин
да на иллюзию дверей... которых нету,
но все идут, летят на свет... эй, господин...

Ну что, зайдём. Наш путь, солдатик, долог
(и ничего-то нам вневечно не светит),
бармен рукою синей от наколок
нальёт, подвинет... нам не надо с полок,
за горизонтом, за бугром ли – наплевать,
мы в новом веке и за старый не в ответе,
но пьём по-старому... живём-то снова.

Живём-то мы, как пьём-то мы,
а пьём-то мы до дна...
и жизни нашей пол отмыт,
и стала суть видна
(дорожная, канатная)
сквозь радостный витраж.
Жисть в целом адекватная,
и... важный антураж...

Канат провис, а вдаль-то всё стремится,
держаться трудно – отпадёшь, и не заметят,
а ты лети себе, бессмысленная птица...
Нас было много –
 вот бы всем бы воплотиться...
 как было б славно вспоминать и выпивать
(не зря же я присутствую на свете) –
 а стало некого позвать.

III

Движение крови означает жизнь
(а я давно присутствую на свете) –
мы отчубучим вам такие виражи,
такую мУзычку наладим... в глаз, не в бровь.
Есть популярные слова – друг, Бог... вражина –
всё дело, может оказаться, в слове...
вот – мысль! Никак нельзя её – такую! – не отметить.

* * *

Листву нарисовал Руссо,
она была снаружи – в метре от окна.
А где-то там удумывалось колесо,
но ничего не начиналось
пока...
 пока не дрогнул первый лист
под пальцем невидимки-пианиста,
и-и-и разом все, немного погода.
Аж на берёзе облетала береста...
так сочинялась – била! – музыка дождя,
и параллельно – колесо изобреталось.

* * *

Движенье крови причиняет боль,
и сразу попадаешь в сети.
Зло изуверствует,
...а кто-то обездолен...
мир сотрясается,
...как видно, неспроСТА
перевелись авантюриСТы на планете...
кровь зря течёт и ран не лечиТ –
переСТАла...
и КульТ Тельца – один! –
присуТСТвует на свете.

IV

Мне хочется – пускай бы вечер гадкий,
и кто-то их читал и повторял...
Я не преследовал “поэзию загадки”,
как нимфу по лесам её не гнал,

и не заигрывал с поэзией-простушкой
(который век она всё пляшет на лугу),
как кошку – не чесал её за ушком,
и приподнять её подол вам не могу.

Но что написано – написано. И точка.
Нет смысла разьяснять и разлагать.
Загадок у последнего цветочка
найдётся – мне полстолька не налгать.
Она бездонная – поэзия – как бочка...
и хочется – пускай бы вечер гадкий...

2017